

28.216)
579261
После XIII ПАРТ.
СЛЕД.

6695

V.N. Karazin Kharkiv National University

00274747

3

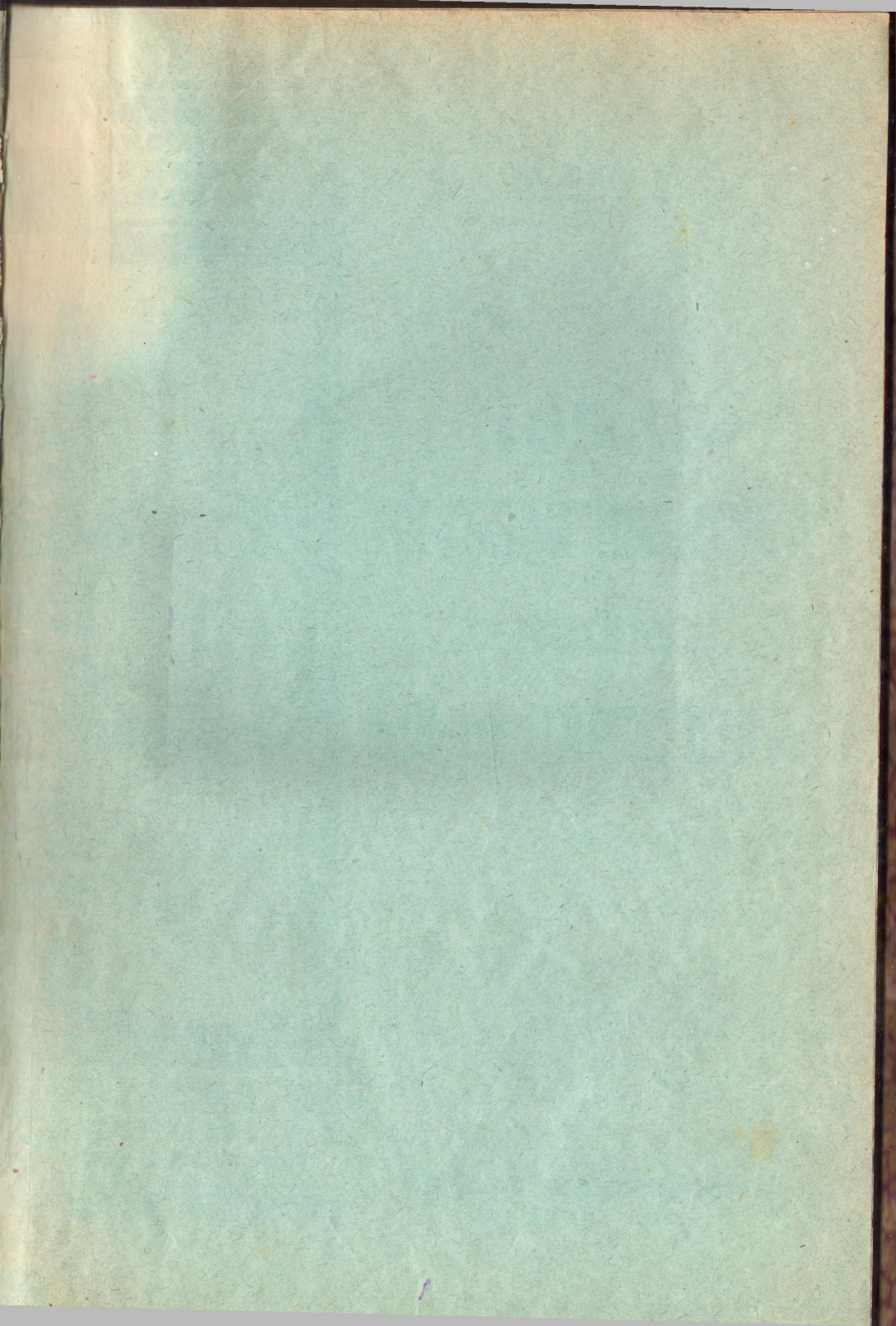
3(24)сст.

Бережіть книгу

Не перегинайте книги, читаючи
Не загинайте сторінок
Не робіть написів на книзі
Не мочіть пальців сли-
ною, перегортаючи книгу

Загортайте книгу в папір.

видання книгоспілки — ХАРКІВ

Л-252-Н.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
БЛИОТЕКА
ОПЕРАТОРА

Ю. ЛАРИН.

**НОВАЯ
ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА
≡ ПОСЛЕ ≡
XIII-го ПАРТС'ЕЗДА.**

1

СЕРИЯ:
**ЭКОНОМИКА
ТОРГОВЛИ**

Проверено
ЛНБ
1939

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРОСОЮЗА.
МОСКВА — 1924 г.

SECTION

SECTION

SECTION

SECTION

38:32/47

6695

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА КООПЕРАТОРА.

Серия: ЭКОНОМИКА ТОРГОВЛИ.

№ 1.

Ю. ЛАРИН.

34

ЦЕНТРАЛЬНА
БІБЛІОТЕКА
ХХУ
Inv. №
78578

ЗАКРЕСЛЕНО

579261

НОВАЯ ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ XIII-го ПАРТС'ЕЗДА.

БІБЛІОТЕКА
Українського Інституту
МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНИЗМУ
№ 19486.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХХУ
Inv. №

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРОСОЮЗА.

МОСКВА—1924 г.

539

1933

Главлит № 26116.

Тираж 10.000.

Типография Центросоюза, Москва, Денисовский пер., д. № 30.

Новая торговая политика.

Экономическая резолюция январской партконференции, перво-апрельское постановление ЦК РКП о внутренней торговле и кооперации и, наконец, решения XIII партийного съезда от 31 мая—все это проявления одной и той же линии, условно названной тов. Зиновьевым на съезде «новой торговой политикой» Между всеми этими резолюциями, постановлениями и решениями нет противоречия, но есть *внутренняя связь постепенного развертывания* партийной линии в этом важнейшем вопросе, как она определилась за последнее полугодие.

Формулировки нашего условно-нового курса в торговле имеются не только в резолюции о внутренней торговле (сокращенно будем называть: торговая) и о кооперации (сокращенно: кооперативная), но и в резолюциях об очередных задачах партийного строительства (сокращенно: партийная), о работе контрольных комиссий (сокращено: контрольная) и о работе в деревне (сокращенно: деревенская). Сводя воедино наиболее выпуклые формулировки всех этих резолюций, относящиеся к данному вопросу, получаем в собственных выражениях съезда следующую картину выработанной и утвержденной партией линии.

На-ряду с подъемом нашего хозяйства и укреплением пролетариата, идет подъем частного хозяйства и «социальное укрепление буржуазных (в первую очередь мелкобуржуазных) слоев страны» (партийная § 1), а равно «рост политической активности в среде новых буржуазных слоев—кулаки в деревне *), нэпманы в городе» (партийная § 2). Потому «связанные с этим новые трудности и опасности для роста и укрепления диктатуры пролетариата партия должна *полностью учитывать* во всей своей работе» (партийная § 1).

Где-же главное—то оружие, каким буржуазия, как целое, создает для нас «новые трудности и опасности»? Съезд отвечает на это так: «установлением нэпа был допущен к участию на рынке и

*) В частности „своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающийся в орудие накопления в средство эксплуатации маломощных элементов (деревенская § 1).

в производстве частный капитал», при чем на практике он «устремился не на производство, а в торговлю» и «частному торговцу в значительной мере удалось захватить рынок в свои руки» (кооперативная § 1). Хозяйственные, социальные и политические трудности, указанные выше, выражаются при этом не более и не менее, как в том, что, во-первых, — «развитию социалистического хозяйства» и, во-вторых, «непосредственной смычке государственной промышленности с крестьянским хозяйством» — «ставится прямая угроза в виде рынка еще неразвитого, но уже в большинстве захваченного частной торговлей» (кооперативная § 1).

Взяв, таким образом, быка за рога, определив и степень опасности болезни и ее значение и самый характер — с'езд столь же открыто и решительно указывает основное лекарство, несколько раз возвращаясь к нему в разных резолюциях. Это лекарство — «осуществление задачи вытеснения частного торгового аппарата и замещения его государственной торговлей и кооперацией» (торговая, абзац 7). С'езд заявляет, что необходимо «достичь быстрых успехов в деле овладения и организации рынка» (кооперативная § 2) и, повторно возвращаясь к вопросу о темпе (быстроте, энергии) нашей работы по вытеснению и замещению частного капитала, добавляет: «нам необходимо добиться быстрых успехов от организации у кооперативной и государственной торговли еще и для того» (кооперативная § 4), что иначе колеблется и с таким трудом достигнутая денежная реформа: «благополучие денежной реформы будет неизбежно поколеблено от неорганизованности рынка и господства на нем частной торговли» (кооперативная § 4).

Неоднократное подчеркивание срочности развертывания нашей торговой работы особо оттеняется тем, что в применении к кооперированию производства с'езд, наоборот, подчеркнул, что «массовые успехи в области кооперирования процессов производства могут быть достигнуты только с течением ряда лет» (деревенская § 4). Потому, требуя, конечно, и в отношении производства «более четкого оформления своей поддержки бедняцким и середняцким слоям деревни» (деревенская § 4), с'езд не мог здесь столь же настаивать на «быстрых успехах», как в области торговли, и признал мерой успеха производственного кооперирования сейчас, «главным образом, качественный рост» (там же, абзац 2).

Каков об'ем подлежащей замещению нашими силами частной торговли, и каковы условия осуществления этого замещения — вот следующие вопросы, сформулированные с'ездом более точно и полно, чем это делалось раньше.

Овладение оптовой торговлей было провозглашено партией первоочередной задачей еще до с'езда. Но оптовая торговля понималась при этом иногда в ограниченном смысле, как торговля только изделиями государственных фабрик и заводов, как только про-

мышленная оптовая торговля. Теперь съезд определенно указывает, что «ближайшей задачей является планомерная подготовка и проведение также работы по заготовке хлеба и «по заготовке других сельско-хозяйственных продуктов и сельско-хозяйственного сырья для промышленности» (торговая, абзац 13). Мясо, масло, лен, шерсть и т. п. предметы должны перестать быть достоянием закабаляющих крестьянство скупщиков, и государство берется мобилизовать постепенно достаточные средства, чтобы взять это дело в свои руки. Такое финансирование собственных заготовок облегчается тем, что источником для него, в конечном счете, служат средства, все равно расходуемые рабочими на мясо, масло и т. п., и госпромышленностью на сырье.

На-ряду с завоеванием оптовой торговли XIII съезд четко ставит и задачу постепенного овладения розницей. Сообразно характеру экономики страны съезд разделяет задачу, ставя завоевание опта целью госторговли («дальнейшее завоевание государственным капиталом оптового оборота» — торговая резолюция, абзац 9), а завоевание розницы — целью кооперации. «Розница», как правило, должна стать целиком делом кооперации по мере ее укрепления» (кооперативная, абзац 10). При этом «первейшей задачей» ее является в частности «добиться в ближайшее время», во-первых, «кооперирования всех рабочих», во-вторых, уничтожения «закабаления и спекуляции по отношению к рабочим со стороны частной торговли», таким путем, чтобы рабочий ту часть своей заработной платы, какую тратит на покупки, — «отдавал своему кооперативу за доброкачественные и дешевые продукты потребления» (кооперативная § 7). Розничная госторговля допустима в настоящее время для усиления борьбы с частным капиталом, но по ее завершении государство сосредоточится лишь «в пределах оптовой и оптово-розничной торговли» (кооперативная § 10).

Задачи предстоящего периода намечены съездом, таким образом, вполне четко. Не одно только регулирование рынка, не простое «причесывание частного капитала на культурный лад». Нет, съезд поставил задачей партии организацию рынка, при том — организацию нами, т.-е. не только «причесывание» частной торговли, а и всемерную, систематическую, настойчивую работу по замещению ее и в опте и в рознице.

Какими способами достигнуть вытеснения частного капитала из торговли и как обходиться с ним в тот период, пока будет развиваться процесс его оттеснения из торговли основными товарами? На это съезд дал ответ с той строгой продуманностью и осторожностью, какие необходимы и возможны в современных условиях при решении столь крупных вопросов.

Во-первых, следует помнить, что главное средство состоит в том, чтобы прибрать к своим рукам товары и продавать дешевле и лучше

частных торговцев. Центр тяжести не в мерах «административного воздействия», а в «усилении экономических позиций госторговли и кооперации на почве сосредоточения в их руках основных масс продуктов» (торговая, абзац 5).

Во-вторых, помнить, что *сначала* надо *подготавливать* свое выступление на рынке, а потом уже вытеснять частный капитал, но не действовать таким образом, чтобы просто прекратилась частная торговля, и вместо нее, чтобы не было ни государственной, ни кооперативной, и население осталось бы совсем без товаров, не приводить «к сокращению или нарушению *общего* товароборота» (торговая резолюция, абзац 8). Потому с'езд и признал необходимой предварительную работу по «расширению сети» (нашего торгового аппарата), по росту госзаготовок и т. д., успехами чего и будут измеряться успехи наши по вытеснению буржуазной торговли и по овладению рынком.

В-третьих, государство, понимая преимущественное значение экономической борьбы, принимает ряд соответственных мер. Главные: «политика *кредитных* учреждений должна быть направлена на систематическое усиление позиций государственных и кооперативных организаций в их борьбе на рынке с частным капиталом» (торгрезолюция, абзац 12); затем—лучший ассортимент, платёжные и налоговые льготы и т. д. (согласно § 10 коопрезолуции).

В-четвертых, никоим образом государство не отказывается и от административных мер, оно только отдаёт себе отчет, что *одними* административными распоряжениями вопроса не решишь, а надо еще, *главным образом*, ставить, как следует, собственное дело. С'езд подчеркивает необходимость административного вмешательства предоставлением Наркомвнуторгу, во-первых, «регламентации *всей* внутренней торговли», во-вторых, установления твердых цен, в-третьих, «*наблюдения за их действительным осуществлением*» (торговая, абзац 10).

В-пятых, наконец, с'езд утверждает решением ЦК партии и ЦКК об установлении тесной связи между органами РКИ и фабзавкомками» (партийная § 3., абзац 4), которое опубликовано было в «Правде» перед юткрытием с'езда особым циркуляром ЦКК. Циркуляр этот устанавливает, между прочим, учреждение при фабзавкомках «комиссий по торговле», которым предлагается осуществлять, по выражению циркуляра, «*низовой контроль над торговлей*». Мера эта была предусмотрена, собственно, еще постановлением ЦК 1 апреля об «общественном давлении» на понижение цен, о допустимости применения с этою целью бойкота и т. д. Здесь мы имеем лишь ее юридическое оформление.

Последний вопрос, на какой с'езд должен был дать ответ,—что делать с частными торговцами в той их доле, какая в каждый данный момент окажется еще не вытесненной, хотя роль ее будет все

уменьшаться, потому, что вытеснение постепенно будет идти вперед. Съезд ответил: во-первых, обеспечить, чтобы (в отличие от предшествовавшего периода) они не приобретали самостоятельного значения, а существовали бы в качестве «подсобного аппарата», хозяйственно нам подчиненного. Во-вторых, «систематически наблюдать за отношениями госхозорганов и частного капитала», чтобы в этот переходный период постепенного вытеснения обеспечить *выгодность* этих отношений для государства и «решительную борьбу против *всяких* попыток частного капитала *явным или скрытым* путем нанести ущерб интересам госпромышленности и *гос*-торговли и кооперации» (торговая, абзац 11). А эти «интересы» резолюция характеризует коротким, но сильным выражением: «*овладение рынком*».

Партия установила свою линию, и ближайшие годы увидят такой успех ее осуществления, какой совершенно обеспечен громадным перевесом хозяйственных и политических сил на нашей стороне. «При диктатуре пролетариата на стороне кооперации и против частного капитала» становится «вся мощь авторитета и средств государственной власти, партии и профсоюзов, льготы, необъятная свобода для развития» (кооперативная, § 3). Только в условиях послевоенной нищеты пролетарского государства мог частный капитал так использовать первые три года новой экономической политики, чтобы захватить в свои руки столь крупную часть торговли. Теперь, когда мы уже не такие нищие, когда мы делаемся богаче с каждым годом,—теперь наступила очередь, при тех же основах политики, постепенно, но твердо отвоевывать обратно то, что потеряли, но уже на более прочных, на более нерушимых основаниях.

Торговая политика и НЭП.

Место *объяснения*, почему государственная и кооперативная торговля была до последнего времени хуже (дороже) частной, занимает у нас часто *описание* ее недостатков и всякие обличения. Обличение—вещь хорошая, но на них одних далеко в данном случае не уедешь, ибо не настолько же все мы безнадежно глупы, чтобы раньше не замечать недостатков и дороговизны нашей торговли и внезапно заметить их только 1 апреля 1924 г. (день принятия резолюции об учреждении Наркомвнуторга пленумом ЦК). А раз недостатки известны были и раньше, а продавали все-таки дороже частного торговца—между тем, как в доброй воле государства не сомневаются даже его враги,—то мало описывать недостатки. Надо дать *экономическое объяснение неизбежности* большей *дороговизны* нашей торговли сравнительно с частною в закончившийся

весной 1924 г. трехлетний период. Попытку такого объяснения мы здесь далее и даем.

Точно также слишком часто остается необъясненным не только то, почему раньше наша торговля была хуже (дороже) частной, но и то, почему *именно теперь*, весной 1924 года Центральный Комитет (1 апреля) и за ним партс'езд (31 мая) сочли возможным объявить столь определенный и продуманный *практический* курс на постепенное и организованное вытеснение частного капитала. На московской губконференции, делая 15 мая доклад ЦК, тов. Каменев заявил: «Необходимо систематическое и упорное отвоевывание позиций у частного капитала, сначала в городе, в основных промышленных центрах, а затем—и в деревне. *Партия должна выкинуть лозунг—все на борьбу за вытеснение частного капитала и овладению рынком через кооперацию*» (цит. по «Эк. Жизни» от 16 мая). Мы пытаемся дать здесь экономическое объяснение, почему такое заявление могло быть с расчетом на успех сделано именно в мае 1924 г., а не в мае 1921 или 1922 г. г. Между тем, слишком часто такое *экономическое обоснование* и в этом отношении заменяется простым описанием, как и какими способами надо достигать намеченных целей. Раз'яснять эти способы, конечно, необходимо—но лишь на основе предварительного анализа (разбора), который показал бы *внутреннюю закономерную связь явлений*, а не только их последовательность во времени.

Почему у нас часто вместо вскрытия внутренних связей находишь описание внешнего хода и характера событий и явлений? Подобное же явление замечается нередко в тезисах и докладах, какие подают по экономическим предметам в ВУЗ'ах наши студенты, среди которых немало ведь наших агитаторов и других районных и отчасти газетных работников. Слишком недостаточное проникновение в *теорию* революционного научного социализма, начетническое ее «заучивание», внешнее усвоение *памятью* вместо проникновения в *метод* (способ) подхода ее к анализу (разбору) действительности—вот, что служит ближайшей предпосылкой подмены объяснений описаниями в подобных случаях. А на почве этого недостатка *теоретической культуры*,—которой партия Маркса и Ленина не может не придавать исключительного значения,—на этой почве развивается трудность уяснения себе исторической перспективы, недостаток вообще динамизма, диалектики в подходе. Само собой разумеется, как не раз указывал Вл. Ильич, такой уровень нашей культуры является лишь отражением многолетнего проклятого бытия рабочих масс России на том материальном и социальном уровне, на каком держали их капитал и царизм, и какой нам предстоит еще постепенно изживать достаточно долго.

На людях, долгими годами впитавших в себя теоретическую культуру нашей партии, лежат величайшие обязанности по сея-

нию ростков ее в массах. Если ни в одной стране мира высшим носителям власти и в голову не приходит столько бегать по митингам, заводам и районным собраниям, как у нас,—то это объясняется не только наличностью у нас действительного рабочего демократизма, вместо европейско-американского лживого буржуазного лицемерия, но еще в большей степени исключительной важностью теоретического оружия для такой партии, как наша. Ибо все другие партии (буржуазные, помещичьи и т. д.) руководятся лишь общим своим классовым инстинктом и сознанием и ведут свою линию стихийно, только с большей или меньшей делеческой удачливостью и более или менее близоруким расчетцем. Мы же одни имеем возможность опираться и опираемся на тот несравненный *метод научной теории*, который к стихийной решимости железного класса незыблемо присоединяет неограниченную научную уверенность в несомненности конечного успеха.

Теперь возьмите нашего рядового работника, который испытывает величайшее почтение к науке, ибо слышал и знает, что наука за нас,— а очень приятно быть в этом уверенным,—но который скромного мнения о своем теоретическом багаже. Ну, как он сам возьмется *объяснять*, почему это до сих пор мы были неудачливей в торговле частного торгаша и почему теперь «вдруг» можем поменяться ролями? Он чувствует своим нутром,—и хорошо это чувствует, если у него нутро хорошего пролетарского происхождения или воспитания,—что партийная линия хороша, что она весьма кстати, что она лежит по линии общего социалистического развития, что она поможет его общественно-политической работе. Но поставить самому вопрос об исторической перспективе, о *значении этого шага в общей системе новой экономической политики*—брр, еще напутаеть, пожалуй. Довольно для практического начала, если не пускаясь в особые объяснения, «как все сие надлежит понимать», и «почему оное случилось»,—он просто постарается лучше понять и другим рассказать, каково практическое содержание резолюции, что она признает в прошлом плохим, и что предписывает делать в будущем хорошее. Так и появляются на докладах по нашим заводам, а иногда не только там, «описания» вместо «объяснений».

Но потребность объяснений остается. Что это: конец НЭПа? И как же относиться к новой экономической политике, может быть, в душе зачислить ее в разряд превзойденных ошибок, в которых не признаются лишь «из приличия»? Ведь сам Вл. Ильич характеризовал созданное новой экономической политикой положение так: «сотрудничество двух классов—рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях нэпманы, т. е. буржуазия». А теперь в докладе ЦК тов. Каменев объявляет: «партия должна вы-

кинуть лозунг—все на борьбу за вытеснение частного капитала» и т. д. Не явное ли противоречие?

Нет, противоречия нет. Есть только естественное историческое развитие обстановки, учитывавшейся Вл. Ильичем в словах: «на известных условиях». Партия верна себе: она и при начале новой экономической политики и теперь,—как отметил уже в своей брошюре т. Куйбышев («О внутренней торговле и кооперации»),—одинаково была «за вытеснение частного капитала». Но, только, во-первых, обстановка была другая. Потому приходилось пока что («на известных условиях») припускать нэпманов к участию в хозяйственном сотрудничестве двух основных классов, т.-е. прежде всего, к торговой связи между ними. Теперь обстановка изменилась, (какая, почему, как—этому и посвящена настоящая брошюра), и потому тов. Каменев может спокойно бросать лозунг: «все на борьбу»—«систематическое и упорное отвоевание позиций».

Во-вторых, мы вступаем в период не конца НЭП'а с большой буквы и без кавычек, т.-е. не конца новой экономической политики,—а в период конца «нэпа» с маленькой буквы и в кавычках, т.-е. конца нэпманства, конца допущения нэпманов к торговому участию в сотрудничестве рабочих и крестьян—и только. Само же это сотрудничество, на основе рыночных методов, т.-е. основа новой экономической политики, остается незыблемым и непоколебленным законом деятельности пролетарского государства.

В чем же заключается сущность новой экономической политики? В том, что до нее пролетариат считал возможным построить социализм прямым путем, своими средствами, дорогой *непосредственного государственного обобществления всех сторон хозяйства*. За национализацией промышленности, следовала национализация распределения, быстро надвигалось упразднение денег, к концу 1920 г., ставилось на очередь уже прямое государственное руководство и крестьянским сельским хозяйством. Надежды на быстрое развитие рабочей революции в Европе поддерживали это форсированье захватившим власть пролетариатом попытки прямолинейной подготовки социализма в России.

Вот как характеризовал в марте 1919 г. тов. Ленин наш тогдашний курс: «рабоче-крестьянская власть приступила по всей линии к постройке коммунистического общества; она поставила своей задачей не только окончательно смести помещиков и капиталистов,—это дело нами почти уже сделано,—но *построить такое общество, в которое бы ни помещик, ни капиталист не мог бы снова войти*. Вот задача, которую нам надлежит решить: сделать так, чтобы не только старые капиталисты оказались сметенными, но чтобы не могли возникнуть новые» (речь 12 марта 1919 г. на 1-м съезде сел.-хоз. рабочих, см. «Работник земли и леса» № 4). «Как

это сделать?—спрашивает т. Ленин, и отвечает: «к этому ведет только один путь—путь союза городских рабочих и сельских». И еще: «советская власть все, что в ее силах, немедленно и безусловно сделает, чтобы помочь такой организации переделать деревенскую жизнь, чтобы не осталось места для кулака, чтобы не могло быть спекуляции, чтобы товарищеский общий труд сделался бы в деревне общим правилом. Вот задача, которую мы все себе ставим» (та же речь, там же).

Мы все ставили себе эту задачу со всей настойчивостью и энергиею, на какую способен передовой отряд рабочего класса. Но постепенно условия (обстановка) настолько изменились, что в начале 1921 года, настаивать долее на этом прямолинейном пути значило бы делать величайшую ошибку. И тов. Ленин открыто объявил в начале 1921 года, что продолжение старого курса (старой экономической политики—так-называемого «военного коммунизма») делается недопустимой ошибкой, и что необходимо «отступление» с прямолинейного пути попыток непосредственной организации социализма к более долгому, но более верному, при создавшихся условиях пути «новой экономической политики». Положение было таким ясным, что вся партия согласилась с этим поворотом.

Во-первых, революционное рабочее движение в Европе потерпело в 1920 г. величайшие неудачи и было ослаблено на ряд лет, а война с Польшей показала к концу 1920 г., невозможность для нас в то время обеспечить себе такую прямую близкую связь с Европой, какая могла бы укрепить силы европейского пролетариата в его борьбе и тем дать ему перевес. Тем самым правящий государством пролетариат России на ряд лет оставался один на один с многомиллионным русским крестьянством без возможности вознаградить его за социалистическую перестройку хозяйства помощью европейской индустрии.

Во-вторых, к концу 1920 г. изгнанием Врангеля из Крыма закончена была в глазах крестьянских масс гражданская война с помещиками. Наши прямолинейные попытки насаждения предпосылок социалистического хозяйства, крестьянин понимал, допускал и терпел, как военную необходимость, как такую меру, без которой рабочие окажутся неспособными организовать войну против помещиков. Когда война кончилась, крестьянин решительно заявил своими действиями, что больше не хочет терпеть серьезных ограничений своей хозяйственной свободы. Проще говоря, деревня, как производительница товаров, потребовала свободы торговли. И мы ее дали, не могли не дать при тех двух изменениях в условиях обстановки, какие указаны выше. Торговля, т.-е. рыночные методы хозяйства,—это нормальный порядок для страны с властью социалистического пролетариата, но с громадным большинством крестьянско-

го населения и без материальной возможности решительно изменить технику и войти составной частью в более высокое по типу индустриальное целое,—поскольку особые условия (война и др.) не создают временного согласия деревни на отступление от этих «нормальных» методов.

А раз признали свободу торговли—пришлось опять дать ход по всей линии деньгам, пришлось перевести на торговый «коммерческий» расчет и все наши государственные промышленные предприятия и т. д. И так как государство было очень разоренным, то у него не могло хватить оборотных средств для того, чтобы удерживать всю торговлю в своих руках. И потому пришлось допустить и легальное (признанное законом) участие в торговле буржуазии, нэпманов. Раз все хозяйство строится путем связывания его частей между собой торговлей, и раз у пролетарского государства по бедности нет возможности самому организовать эту торговлю в нужных размерах—приходится допустить к сотрудничеству в этом деле и нэпманов.

Основой новой экономической политики, основой хозяйственного сотрудничества с деревней стала и была признана таким образом свобода торговли: каждый крестьянин имеет право продавать, кому хочет, и покупать, у кого хочет. *Эта основа новой экономической политики остается неизменной и в настоящее время и на предстоящий период.* Мы хотим только на деле постепенно вытеснить буржуазию из торговли: нашим хозяйственным превосходством, т. е. сделать так, чтобы крестьянину выгоднее было торговать с нами.

Больше того: можно полагать, если бы гражданская война не разгорелась так ярко, что для победы пришлось лишить буржуазию на время войны права торговли, (которая была для нее серьезным источником политической и экономической силы),—то для крестьянского хозяйства вообще не была бы отменена свобода торговли. Вл. Ильич уже в начале 1918 г., когда советская власть уже охватила Россию, но не начата еще была широкая гражданская война чехами, эс-эрами и пр., определенно наметил ту линию смычки с крестьянством, которая впоследствии получила название новой экономической политики. Ибо необходимость считаться с фактом подавляющего преобладания в населении страны многомиллионных крестьянских масс была совершенно очевидна. Безумием было бы закрывать на это глаза. Точно также, принадлежность подавляющего большинства крестьян к бедноте, или к неэксплуатирующим чужой труд середнякам, давала возможность рабочим договориться с ними о прочном союзе к обоюдной выгоде. Привести же крестьянские массы к добровольному переходу к социализму (к объединенному товарищескому труду на общую пользу), можно и

нужно путем такого развития техники (электричество, тракторы и пр.), при каком выгодность такого перехода и неизбежность его для пользования новой техникой стали бы для крестьян очевидными.

Но широкий размах гражданской войны оказался исторически неизбежным. Потому с очерченного выше пути, намечавшегося т. Лениным в начале 1918 г., пришлось перейти к прямолинейному запрещению всей буржуазной торговли, не только по внутренней логике первоначального периода развития пролетарского господства, но и в силу военно-политической необходимости. Так как буржуазия была в союзе с помещиками, то чтобы победить помещиков, крестьянам приходилось соглашаться и на лишение буржуазии оставшегося у ней источника ее средств и силы—торговли (об этом очень хорошо рассказано в брошюре тов. Л. Крицмана «Три года новой экономической политики пролетариата СССР»). А с другой стороны, европейским рабочим не удалось захватить власть в своих государствах, и мы не могли поэтому, опираясь на европейскую промышленность, быстро дать крестьянам такую новую и хорошую «электрическую» технику, чтобы они стали добровольно горячими сторонниками социализма. И пришлось, пока что, вместо электрификации проводить—принудительную подразверстку («военный коммунизм»).

Таким образом, годы гражданской войны были периодом соединения прямолинейного стремления захвативших власть рабочих (рассчитывавших еще на немедленное торжество мировой революции) к непосредственной подготовке социализма,—с некоторыми мерами относительно деревни, вытекавшими из условий и особенностей гражданской войны в обнищавшей стране. Окончание войны и замедление развития революции в Европе, т.-е. усиление стремления крестьян к рынку и невозможность повысить быстро их благосостояние серьезным улучшением техники,—создали наш поворот к признанию свободы торговли.

Не следует думать, чтобы партии не ясно было, что свобода торговли поведет к росту среди крестьян кулачья, к наживе спекулянтов и к тому подобным прелестям «нэп'а» в кавычках и с маленькой буквы. В упоминавшейся уже речи тов. Ленин говорит: «Не раз бывало в революциях, что помещиков и капиталистов удавалось смести, но из кулачья, из богатых крестьян, из спекулянтов в довольно короткий срок нарождались новые капиталисты, которые, случалось, еще более угнетали рабочих, чем старые помещики и капиталисты» (там же, стр. 7).

Опасность была ясна, и тов. Ленин не раз говорил—теперь приходит пора показать, кто кого окажется в силах победить в

борьбе за крестьянство, мы нэпманов или нэпманы нас *). Но партия пошла на это дело в твердой уверенности, что нескольких лет после войны будет достаточно для того, чтобы снова поднялась государственная промышленность. Тем временем оправится и крестьянское хозяйство. Тогда, основываясь на увеличившемся богатстве страны вообще и государства в частности—мы найдем средства взять торговую связь в свои руки, для чего непосредственно после окончания войны, в 1921 г., были еще слишком нищими и неподготовленными. Останется новая экономическая политика, останется свобода крестьянского хозяйства, останутся рыночные методы хозяйства, но отпадет необходимость допускать в прежних размерах частный капитал к торговому сотрудничеству между нами и деревней.

Новая экономическая политика без прежней роли нэпманов, при том планомерно руководимая государственным центром пролетариата—вот схематическая характеристика того периода развития, в развертывание которого мы начинаем вступать. Схематическая—поскольку мы отвлекаемся от имеющихся, хотя в ничтожном количестве, иностранных концессий, от туземных буржуазных фабрик и т. п. предприятий, также имеющих весьма подчиненное значение, затем от торговли разными второстепенными предметами в роде изящных дамских шляпок, на которые нам нет особой надобности посягать, от частного домостроительства для размещения буржуазных же элементов и от т. п. мелких штрихов, не меняющих общего характера картины. Ибо, из «командующих высот» у нас в значительной мере занята была буржуазией к весне 1924 г. только одна торговля. И отвоевание этой позиции нанесет «буржуазной опасности» неисцелимый удар, тем более решительного свойства, что он совпадает с периодом развития активной политики по поддержке на всем фронте малоомощного против кулака в деревне,—который поставлен на очередь одновременным постановлением с'езда по другому вопросу (о деревенской работе).

Денежное обращение и торговля.

Выше указано, что для согласия нашего на участие *буржуазии* в русском хозяйстве, в частности в торговой деятельности, основной причиной послужило то *разорение*, та *бедность*, в какой Россия оказалась после долгой войны. По окончании войны, т.-е. к началу

*) „Основной вопрос с точки зрения новой эконом. политики состоит, в том... Кто победит, кто скорее воспользуется: капиталист, которого мы же пускаем в дверь,... или пролетарская государственная власть... Нужно смотреть на вещи трезво: кто кого?“ (речь в 1921 г. на с'езде политпросветов см. сочинения т. 18, ч. 1, стр. 374-375).

1921 г., все производство промышленности составляло только около одной десятой части, точнее 13% того количества изделий, какие промышленность производила до войны. Стало быть размер нашего промышленного хозяйства составлял только одну восьмую мирного времени. При таких условиях государственные доходы были чрезвычайно ничтожны.

Раз промышленность была незначительной, то мало было товаров для провоза по *железным дорогам*, железные дороги работали в убыток. Раз промышленность была столь незначительной, то не хватало средств для поддержания даже самих *фабрик и заводов*, не говоря уже о таких, как военные заводы, которые не торгуют на рынок, а должны производить вещи для снабжения армии. Раз мало было промышленных изделий, то ничтожные результаты могли давать *налоги* с них, акциз на соль, сахар, спички и прочее. Раз мало было промышленных изделий—не было особого интереса и для крестьян развивать сбыт своих продуктов (нечего получить в обмен), а это уменьшало государственные доходы и от крестьянского хозяйства. В итоге мы видим, что три года назад приходилось подавляющую часть расходов государства покрывать путем печатания новых денег, так как естественных поступлений от развития хозяйства и промышленности для этого не хватало. Между тем были такие расходы, от которых отказаться нельзя, как, например, содержание армии и военных заводов или содержание железных дорог—потому что если бы железные дороги совершенно остановить и прекратить прочно движение, то, конечно, Россия распалась бы на массу отдельных кусочков, и никакого централизованного государства пролетариата не могло бы быть.

В таких условиях мы должны были каждый месяц печатать новые деньги на десятки миллионов рублей (в переводе на золото), хотя государственные расходы всячески сокращали. У нас, например, армия почти в три раза меньше, чем она была при царизме до войны. Точно также, хотя мы всегда жалуемся на обилие у нас чиновников и продолжаем их сокращать, но их общее количество все же уже меньше, чем было при царизме, и продолжает сокращаться, наш государственный аппарат, при всех его недостатках, все же обходится стране дешевле царского.

Несмотря на эту экономию, все-таки государственный бюджет уже три года тому назад составлял свыше миллиарда рублей золотом в год, т. е. около девяносто миллионов рублей золотом в месяц, (теперь, в 1924 г., он составляет уже до двух миллиардов в год). Между тем доходы давали незначительную сумму (потому, что промышленность сократилась в восемь раз и т. д.) и, значит, приходилось ежемесячно на десятки миллионов рублей золотом печатать новые бумажные деньги. А раз мы печатали каждый месяц в большом количестве новые бумажные деньги, то неизбежно выте-

кало из этого ежемесячное падение курса денег, ежемесячный рост дороговизны, ежемесячное обесценение советского рубля, потому, что цена всех денег, какие обращаются в государстве, зависит прежде всего от того, сколько в этой стране имеется товаров, которые переходят за деньги из рук в руки. Деньги служат прежде всего для обращения товаров, и если для страны по состоянию товарного обращения нужно денег, скажем, на четыреста миллионов золотом, то сколько бы ни было в обращении по названию бумажных денег, все равно действительная «золотая» цена всех их вместе будет все те же четыреста миллионов золотом, какие соответствуют потребности страны, при наличном количестве товаров. Если будет больше по названию бумажек, то будут давать больше бумажных рублей за один золотой рубль, но во всяком случае цена всех их вместе будет равна тем, скажем, четырестам миллионам рублей золотом, какие соответствуют потребности страны при наличном количестве товаров, имеющейся быстроте их обращения и прочих условиях.

Когда промышленность развивается, когда количество товаров растет, тогда увеличивается и потребность страны в сумме денег. Но у нас при нашем падении промышленности приходилось, в силу бедности и разорения страны и отсутствия потому других доходов, извлекать средства путем печатанья новых денег *без такого же увеличения на деле потребности страны в них*. Ежемесячно печаталось новых бумажек на несколько десятков миллионов рублей золотом для уплаты рабочим заработной платы, для покупки у крестьян хлеба, дров и других товаров и т. д., а через месяц цена каждой отдельной бумажки оказывалась обесцененной в соответствии с тем, сколько новых бумажек за этот месяц было напечатано.

Таким образом из нашей бедности (результат войны) вытекала необходимость ежемесячного крупного печатания новых денег и ежемесячного обесценения советского рубля. Вот тут мы добираемся до торговли, до того, почему мы принуждены были все эти годы терпеть преобладание буржуазной торговли и почему не могли раньше объявить ее господству, на практике такую борьбу, какую теперь объявили январская партконференция, апрельский пленум ЦК и затем майский партс'езд в своих резолюциях.

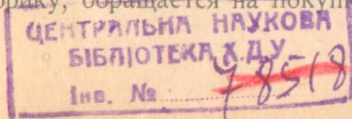
В самом деле, раз из нашей бедности вытекало ежемесячное обесценение советского рубля, то каждый день этот советский рубль немного обесценивался, а иногда и много. Торговцы, получая от покупателя за товар советские рубли, держали их у себя в кармане некоторое время, которое нужно для покупки торговцем нового запаса товаров, чтобы быть в состоянии опять продавать. Торговцы поэтому должны были делать *накидку* на цену продаваемого товара, *равную ожидаемому обесценению советского рубля*: если бы

такая накидка не была ими сделана, то они не могли бы купить новый товар. Если торговец торгует сахаром и со всеми расходами и прибылью сахар мог бы продать за тысячу, рублей, то при обесценивающемся все время советском рубле он принужден требовать с покупателя, например, тысячу двести. За то время, которое пройдет, пока он купит новый сахар, для того, чтобы опять продать его, цена сахара вздорожает, так как государство за это время непрерывно печатает новые деньги, а стало быть все время цена бумажного рубля обесценивается. И потому, чем дольше вырученные рубли лежат в кармане у торговца в ожидании, пока он купит новый запас товара для дальнейшей торговли,—тем более этот рубль обесценивается. И значит, на тысячу рублей нельзя уже будет купить такой запас сахара, какой распродан торговцем. А чтобы можно было продолжать торговлю, возобновляя в равном разmere запасы товаров, надо брать больше, например, 1.200 руб.

Следовательно, из того, что все время деньги у нас обесценивались, вытекала необходимость для торговли делать накидку в ценах на величину, равную обесценению советского рубля за тот срок, который он будет в обороте данного торговца до новой продажи товара. Это приходилось делать и государственной, и кооперативной, и частной торговле.

Частная торговля при таких условиях должна была все время иметь преимущество перед торговлей государственной и кооперативной, потому что оборот товаров у частного торговца у нас в России должен продолжаться гораздо меньше времени, должен быть гораздо быстрее, чем оборот товаров в торговле кооперативной и государственной. Частный торговец, после того, как он продал свой товар покупателю, идет и на вырученные деньги сейчас же покупает новый товар у синдиката или треста и опять им торгует, у него оборот очень короткий, вырученные советские рубли недолго лежат в кармане, успевают сравнительно мало обесцениться.

Теперь с другой стороны—возьмите государственную торговлю. Частное хозяйство в области фабричных изделий ограничивается торговлей, фабрики национализированы, деньги обращаются только в торговле. Наоборот в государственное хозяйство (в которое при наших условиях входит фактически и потребительская кооперация) входит вместе и торговля и производство. Поэтому, по сравнению с буржуазным торговым оборотом, наше государственно—кооперативное хозяйство, неизбежно больше времени удерживает вырученные от покупателя деньги в своем обороте, чем частный торговец. Если магазин текстильного треста или синдиката продал покупателю мануфактуру, ситец или что-нибудь другое, то вырученные деньги идут на новое производство мануфактур и тканей. Выручка текстильного магазина треста или синдиката попадая на фабрику, обращается на покупку сырья, топлива, на оплату рабо-

чим, словом, на производство новых продуктов, которые и поступают затем снова в магазины для восстановления их торговых запасов. Движение денег через аппарат государственного хозяйства занимает больше времени именно потому, что государственная (и кооперативная) торговля связана с государственной промышленностью. Торговая буржуазия не организует сама на фабриках производство промышленных товаров, а покупает их готовыми от наших трестов и синдикатов. Потому время, какое вырученные деньги находятся в кармане частного торговца, всегда короче при наших условиях, чем в государственном и кооперативном хозяйстве: в частном хозяйстве деньги проходят только *через лавку*, в государственно-кооперативном хозяйстве они проходят *и через лавку и через фабрику*.

Это не есть какой-нибудь недостаток государственного хозяйства, это происходит просто в силу полноты и цельности его строения, между тем как частное хозяйство намеренно урезано нами конфискацией и национализацией фабрик. Но при наличности все время обесценивавшихся денег это обстоятельство превращалось в источник торгового преимущества буржуазии. Так как *деньги обесценивались непрерывно*, и так как деньги находились в обороте в государственном хозяйстве *дольше, чем в частном*, то, значит, в государственном хозяйстве они должны были успеть обесцениться больше до восстановления им своих товарных запасов. Стало быть государственные и кооперативные лавки должны были делать на свои цены *более высокую накидку* (для возможности восстановить товарные запасы), чем какую мог сделать частный торговец. Вот *основная причина*, почему все последние три года государственная и кооперативная розничная торговля *оказывалась* постоянно дороже частной буржуазной торговли *), — в этом и сказывалось одно из проявлений вредного влияния плохих денег на советское хозяйство. На первый взгляд была явная нелепость, явное противоречие: фабрики наши, мы производим ситец, мы производим мануфактуру, часть этой мануфактуры даем частному торговцу, часть мануфактуры даем государственной трестовской лавке и кооперативу по одинаковой цене — и вдруг частный розничный торговец имеет возможность продавать эту мануфактуру дешевле, а наши государственные лавки принуждены продавать ее по розничной цене более дорогой, чем цена частного торговца. Почему? Основная причина, как указано, та, что оборот денег в государственном хозяйстве *дольше*. Потому при созданных нашей бедностью и военным

*) Были конечно, еще существенные дополнительные, хотя и второстепенные причины *усиливавшие* это явление: плохая постановка дела, громоздкий аппарат и пр. Но основная причина была неустранима при обесценивающихся деньгах.

разорением «плохих деньгах», при падающих деньгах, при обесценивающихся деньгах—мы не могли успешно поставить борьбу против захвата буржуазией торговли, мы в своей торговле должны были иметь дело с более крупной накидкой на обесценение, чем буржуазия. Поэтому все эти годы, пока господствовали «плохие», обесценивающиеся деньги, участие и роль буржуазии в торговле все возрастали, ибо она могла продавать розничному потребителю дешевле нас.

И как известно, дошло до того, что буржуазии принадлежало в 1923 г. уже девять десятых деревенской розничной торговли, четыре пятых городской розничной торговли и почти половина городской оптово-розничной и оптовой торговли, взятой вместе.

Таким образом, здесь имеем цепь явлений, которые непосредственно вытекают из бедности и разорения России, созданных войной и контр-революционными нападениями на нас различных генералов и иностранных капиталистических государств. Эта цепь такова: *во-первых*, война, *во-вторых*, разорение России, которое она произвела, *в-третьих*, падение поэтому промышленности до одной восьмой довоенного уровня, *в-четвертых*, уменьшение государственных доходов, *в-пятых*, неизбежность вследствие этого печатания новых денег в крупных количествах, *в-шестых*, непрерывное поэтому падение курса рубля, *в-седьмых*, необходимость делать накидку в торговле к продажным ценам на величину падения курса рубля, ожидаемого до восстановления товарных запасов. *Следующий* момент—это более быстрый оборот денег в частном хозяйстве (где они проходят только лавку) и более длинный оборот в государственном хозяйстве (где деньги проходят и лавку и фабрику). *В-девятых*—возможность для частного хозяйства поэтому делать меньшую накидку к ценам в розничной торговле, чем делала государственная и кооперативная торговля. И, наконец, *в-десятих*—неизбежно вытекающий из всего этого успех буржуазии в захвате торговли. Мы видим, следовательно, что если основа новой экономической политики, а именно признание свободы и рыночного характера крестьянского хозяйства и связи с ним, вытекала из наших собственных интересов, вытекала не из того, что Россия была бедна или богата, а просто из правильного понимания политики рабочего класса нашего государства в настоящий период,—то, в отличие от этого, то обстоятельство, что к серьезному участию в хозяйственной жизни была допущена (прежде всего в области торговли) также и буржуазия, вытекало не из собственных специальных интересов пролетариата и крестьянства, а просто из той бедности и разорения России, при которых мы не могли иметь хороших денег, не могли иметь достаточно доходов, хорошей денежной системы, и не могли поэтому успешно торговать. Из нашей бедности и необеспеченности и вытекал торговый пере-

вес буржуазии. Таким образом, не глупостью правительства, не отсутствием понимания у партии нужно объяснить то, что буржуазия была допущена к преобладающему участию в торговле, а *хозяйственным положением*, при котором не было другого выхода, так как *экономически* невозможно было ее устранить при признании рынка, как более дешевой для потребителя. Конечно, мы могли бы попробовать просто запретить частную торговлю, закрыть все лавки и конторы, повесить замки на них. Но тогда просто прекратился бы торговый оборот, и наступило бы расстройство всей хозяйственной жизни. Ибо ведь для того, чтобы в широких размерах заменить частную торговлю и поставить свой торговый оборот, хотя бы более дорогой, нужны были еще для начала государству крупные средства, которых у него не было именно в силу его полного разорения, полной нищеты. Вот, следовательно, два условия (состояние денежной системы и наша бедность), при которых создавалась нынешняя большая роль буржуазии в нашей торговле.

Политическая и хозяйственная необходимость борьбы.

Как известно из пред'ездовской печати, небольшая часть товарищей недовольна была походом на имевшуюся роль частной торговли и указывала, что в нынешних условиях в предстоящий период никакой особой беды не было бы, если бы буржуазия и впредь *по-прежнему* занималась торговлей, раз в наших руках остается производство, и поэтому нечего до такой степени сосредоточивать внимание партии на деле вытеснения буржуазии из торговли, как это делал перед с'ездом Центральный Комитет (и затем подтвердил с'езд). Такого рода мнения совершенно неправильны*). Хотя

*) Отголоски этой оппозиции, против партийной линии раздаются иногда еще и сейчас. Вот что писали мы по этому поводу в начале июля:

Ориентироваться на установление с частным оптовым капиталом „**нормальной связи**“, признав временной ошибкой партийные решения, или идти по дороге **замещения** его государственно-кооперативным оптом путем развития товарооборота, как это решено и подтверждено партией в январе, апреле и мае (партконференцией, пленумом ЦК и XIII с'ездом)—вот вопрос, поднятый докладом **т. Фушмана**, одного из видных работников госпромышленности (подробный отчет о докладе в „Эк. Жиз.“ от 5-го июля).

В торговой секции Совета промышленности и торговли был доклад тов. Кактыня (из ЦКК) и содоклад т. Фушмана. Тов. Кактынь вполне правильно подчеркнул партийную ставку на „ограничение развития частного капитала при общем росте товарооборота“ и на нагрузку и кредитование кооперации (гарантийный кредит для низовой кооперации). Представитель Центросоюза в свою очередь подтвердил, что „работа частного оптовика шла за счет государственных средств, и поэтому никакого поворота к восстановлению роли частного опта в торговле быть не должно“—эти средства надо

политическая власть в наших руках, военная власть, производство—все это в наших руках, однако, захват буржуазией торговли приносит нам несомненно столь крупный хозяйственный и политический вред, что нечего терпеть его ни один лишний год, раз является экономическая возможность избавиться перевеса буржуазии в этом деле.

Хозяйственный вред заключается прежде всего в следующем. Благодаря своему участию в торговле, буржуазия получает возможность прибрать к своим рукам известную часть всего национального дохода, всего дохода, который создается трудом всего населения страны за целый год. Размер этой части точно и полностью определить сейчас невозможно. Из газет известен подсчет народного комиссара внутренней торговли тов. Лежавы, который считал, что за последний год чистый доход буржуазии от одной торговли составил от двухсот до трехсот миллионов рублей золотом (сверх всех их расходов на ведение своего дела, на проживание и налоги). Во всяком случае здесь речь идет о наживе в несколько

обратить на развитие советско-кооперативного торго. „Оратор указал также на то, что кооперативный аппарат является недостаточно нагруженным“ (все по отчету „Эк. Жиз.“)—кого же должна нагружать госпромышленность, на нормальную связь с кем ориентироваться, с частным оптовиком или с кооперацией?

Цитируем по отчету „Эк. Жиз.“:

„А. М. Фушман в своем заключительном слове высказался за установление **нормальной коммерческой связи** госторговли с частным **оптовым** капиталом. Мы имеем сейчас обстановку **иную, чем в марте**, когда мы вынуждены были пойти на известное ущемление частного капитала в интересах денежной реформы“. Это теория обратного поворота к частному оптовику. А вот теория отворота от кооперации: „По вопросу о кооперации тов. Фушман высказывает сомнение в том, может ли быть полностью нагружена кооперация при недостатке у нее собственных оборотных средств. Оратор высказывается **против гарантийного органа** (тот же отчет).“

Какая странная логика—у кооперации не хватает собственных средств для полной загрузки и потому **против** гарантийного кредита для усиления кооперации, но за то за поворот к новому установлению нормальной коммерческой связи с частным оптовиком, т. е. **за кредит** для него, как до „марта“, **до денежной реформы**.

Оппозиция против партийной тактики в отношении частного капитала исходит из тех же преувеличенных соображений о степени слабости нашего государственно-хозяйственного организма, которые питали сомнение и недоверие по отношению и к самой денежной реформе, предвещая ее крах с таким же отсутствием деловых оснований, с каким готовы провозгласить крах и поворот к „домартовским“ временам также в области опта.

Внутренняя логическая связь неверия в денежную реформу и неверия в торговую реформу—совершенно ясна. Тем необходимее не оставлять без ответа подобные выступления, чтобы не плодить путаницу и неразбериху, не создавать ложное представление о молчаливом изменении линии, менее полутора месяцев назад подтвержденной партсездом, не сеять семена политического разложения провозглашением фактической капитуляции (сдачи) перед той крупной оптовой буржуазией, которая была объявлена партией на положении подлежащей постепенному организованному замещению на основе общего роста товарооборота.

сот миллионов в год, которые сосредоточивает у себя буржуазия (подробнее см. в моей книжке «Уроки кризиса», изд. «Моск. Рабочий», 1924 г.). И вот эти средства, сосредоточиваемые в руках буржуазии, тратятся и расходуются в значительной части без всякой пользы для народного хозяйства. Если бы буржуазия была вытеснена из торговли, если бы эти сотни миллионов чистого дохода золотом, которые она ежегодно получает, оставались в руках государства, то эти деньги могли бы употребляться на дальнейшее увеличение промышленности, на дальнейший рост заработной платы, на дальнейшую помощь под'ему крестьянского хозяйства, одним словом, на увеличение нашей экономической и политической крепости. Между тем, когда сотни миллионов в качестве чистого избытка сосредоточиваются в руках буржуазии, то очень значительная часть идет по двум направлениям, не приносящим никакой пользы хозяйству страны.

Первое—это удовлетворение таких потребностей буржуазии, которые удовлетворяются не русским производством, а *контрабандным привозом промышленных изделий из-за границы*. В Россию запрещен ввоз таких иностранных изделий, как предметы роскоши и т. д. Привозимых контрабандой заграничных изделий не покупает обычно ни рабочий, ни крестьянин—они для него слишком дороги, они идут в частные магазины, специально обслуживающие городскую буржуазию. Контрабанда эта имеет громадный размах, считается, что в настоящее время контрабандный ввоз в Россию иностранных предметов роскоши и других иностранных изделий, начиная от духов, французских корсетов и лионских шелковых и бархатных тканей, какие можно видеть на улицах Москвы на неповских дамах (несмотря на запрещение привоза), и кончая чаем, сахарином и т. п., превышает сумму в сто миллионов рублей золотом в год. Это значит, что эту сумму буржуазия извлекает из труда нашего населения, но вкладывает не в наше хозяйство, а передает заграничным капиталистам в обмен за контрабанду.

Вот один пример развития контрабанды. В Москве до революции была крупная чайная фирма Высоцкого. Когда власть перешла в наши руки, предприятия этой фирмы, разумеется, были конфискованы, как и все остальные. Высоцкий переехал за границу и поселился в Варшаве. Еще до октябрьской революции, когда он видел, что дело идет к революции, он перевел свои капиталы в иностранные банки, поэтому при конфискации нам остались здания Высоцкого и имевшиеся в них запасы товаров, а остальные средства остались в его распоряжении. Поселившись в Варшаве, Высоцкий открыл оттуда крупную контрабандную торговлю чаем с Россией. Его фирма открыто существует в Варшаве, издает свои отчеты и проч. Открытый ввоз его чая к нам запрещен, потому что у нас чаем должно торговать «Чаеуправление», наш трест, который

привозит чай из Китая. Но Высоцкий развил такую энергичную деятельность по тайному ввозу в Россию своего чая,—так называемого «польского» (т.е. привозимого через Польшу),—что по анкете, произведенной нашими органами, на большинстве русских провинциальных рынков почти господствует «польский» чай Высоцкого. По отчету самой фирмы Высоцкого, как сообщают, он ввозит ежегодно в Россию контрабандой такое количество чая, что если считать, что каждый контрабандист каждую ночь может перенести на своей спине два пуда чая, то нужно, чтобы в течение всего года,—а в году 365 ночей,—семьдесят контрабандистов каждую ночь перетаскивали по два пуда каждый. Это будет то количество, какое Высоцкий контрабандой доставлял нам сюда в 1923 г.

Кроме широкой закупки запрещенных контрабандных иностранных товаров, буржуазия изрядную часть своего чистого дохода обращает на специальную страховку себя от «случайностей *большевистского режима*», как она выражается. Проще говоря, буржуазия некоторую часть своей прибыли вкладывает в закупку американских долларов, английских фунтов стерлингов, вообще иностранной валюты, иностранных прочных денег, имеющих цену золота, занимающих мало места, удобных для хранения, которые она легко могла бы прятать от нас в случае чего и, если понадобится, удрать с ними из России за границу, либо просто переехать из города в город. И вот, несомненно, значительная часть их чистого дохода обращается именно в такой страховой фонд нашего социального страхования рабочих—только у нас на случай болезни, а у них на случай большевистского ареста и конфискации. Сколько они именно таким образом вкладывают, мы, конечно, точно не знаем. Но во всяком случае, при тех арестах, которые недавно производились при высылках некоторых спекулянтов в Нарымский край, бывали случаи, что у одного такого спекулянта на квартире находили двадцать тысяч долларов, у другого 60 тыс. долларов и т. п., а каждый доллар это 2 руб. зол. Но, конечно, они не так глупы, чтобы все свои «страховые фонды» держать так неумело, чтобы наши агенты легко их находили. Общая же сумма иностранной валюты, которою буржуазия себя страхует на всякий случай и которая пропадает, как мертвый капитал, для нашего народного хозяйства, чрезвычайно велика. Вероятно, не меньше расходов на контрабандные товары, особенно, если добавить закупку с тою же целью бриллиантов, золота и т. п.

Следовательно, первый вред—хозяйственный вред,—который происходит для нас от того, что торговля захвачена в значительной степени буржуазией, заключается в *замедлении хозяйственного развития России*. Ибо очень крупные средства, на сотни миллионов рублей золотом ежегодно, *вычерпываются из народного тру-*

да и не вкладываются обратно в народное хозяйство, а употребляются или на выписку из-за границы всяких роскошных вещей, либо на покупку иностранной валюты и т. п. на черный день. А кроме того велик также и вред политический.

Политический вред заключается прежде всего в том, что в крупной мере захвачена буржуазией такая важная отрасль народного хозяйства, как торговля, сущность которой заключается в связывании отдельных частей народного хозяйства между собой. Раз признан рыночный характер крестьянского хозяйства, то если бы уничтожилась торговля, если бы ее не было, город умер бы от голода, а крестьянское хозяйство разрушилось бы от отсутствия срудий, гвоздей, соли и прочего. *Важность торговли создает зависимость от торгующих.* Если такая важная отрасль хозяйства, как торговля, прочно оказалась бы в руках буржуазии, то начала бы создаваться возможность *политического подчинения* крестьянства этой самой буржуазии с *двух сторон*: во-первых, крестьянин то, что ему нужно, может *достать только от буржуазии*, поскольку она захватывает всю торговлю с деревней и в деревне. Во-вторых, крестьянин то, что он может продать из своего хозяйства, хлеб или мясо или масло,—может *продать тоже только буржуазии*, раз торговля в ее руках. А тогда буржуазия опутывает крестьянина одновременно и кредитом, и задатками, и этим ставит его от себя в полную зависимость. Таков обычный путь подчинения деревни буржуазным элементам во всех странах. Какой-нибудь богатей, деревенский кулак, торговец, крупный хозяин, предоставляет кредит своему односельчанину, менее зажиточному, и, давши ему *кредит*, ставит его в зависимость от себя. Он дает ему хлеб до нового урожая в долг—и малоимущий крестьянин, зная, что в будущем году опять придется прибегнуть к тому же кулаку за помощью, поневоле впадает в зависимость от него. Иначе, когда придешь опять кланяться за ссудой—пожалуй, откажет. И приходится помалкивать на деревенских собраниях и не особенно перечить, когда кулак, напр., не желает устраивать кооперацию или уже устроенную прибирает к своим рукам. Обследование комиссиями ЦК на местах, как видно из докладов партс'езду, показало, что иногда деревенские торговцы-кулаки ухищряются прибирать к своим рукам не только кооперативы, но даже «комитеты взаимопомощи» (до последнего времени не было запрещения им участвовать ни в кооперативах, ни в этих комитетах).

Таким же образом опутывает торговец-кулак среднего и малоимущего крестьянина и системой *задатков*—под продажу хлеба на корню, под имеющие быть поставленным сырье (лен, пушнину и пр.), под крестьянские кустарные изделия и т. д. Крестьянин оказывается в зависимости от кулака-торговца одновременно и в снабжении сырьем, семенами, орудиями и т. д. и в сбыте продуктов

своего труда. Это тот путь, которым торговый капитал (скупщик-ростовщик) переводил постепенно когда-то мелкого кустарного производителя на положение своего наемного рабочего, а крестьянина-земледельца обращал в своего оброчного приказчика, только воображающего себя самостоятельным, а на деле не смеющего пикнуть.

Конечно, у нас все эти явления развиваются гораздо слабее и медленнее в силу неблагоприятной для буржуазии политической обстановки и в силу недавности существования легализованной буржуазной торговли в советском государстве. Но все же уже и теперь в сообщениях с мест начинает чувствоваться нарастание предпосылок для возникновения политического давления буржуазно-кулацких (торговых) верхов на крестьянскую массу (подробнее об этом в моей книжке «Вопросы крестьянского хозяйства», изд. «Московского Рабочего»). Если бы захват буржуазией торговли продолжался еще долго и укоренился бы очень глубоко и прочно, то последствием его был бы в конце-концов *разрыв смычки* между городской промышленностью пролетариата и сельским хозяйством крестьянина, и *политическое подчинение деревни буржуазии*—кулаку сельскому и через него буржуазии вообще.

Вот этот возможный экономический и политический вред от крупной роли буржуазии в торговле объясняет, почему задача вытеснения ее из торгового оборота всегда стояла перед нами. И если мы раньше не могли ее осуществить, то не потому, что отрицательно относились к этой задаче, не потому, что считали хорошим явлением нахождение торговли в руках буржуазии, а потому, что разорение страны было так велико, что у государства не хватало средств и сил вырвать перевес в торговле из буржуазных рук.

Создание возможности борьбы.

После конца войны, т.-е. с начала 1921г., прошло уже более трех лет непрерывной работы по улучшению нашего народного хозяйства. Цель эта в значительной мере уже достигнута, и достигнутые успехи дают возможность перейти теперь дальше в наступление. Какие это успехи? Во-первых, три года тому назад, в начале 1921 г., промышленное производство составляло только одну восьмью довоенного, только 13%, а в настоящее время, в половине 1924 г., оно составляет уже свыше 40% довоенного, уже четыре десятых, т.-е. увеличилось в 3 раза. Крупный рост промышленности, который произошел за эти три года после окончания войны, достигнут, как вы знаете, прежде всего благодаря той политике, какую русский пролетариат разочаровал всю мировую

буржуазию. Когда около семи лет тому назад мы сделали нашу революцию—мировая буржуазия, и в том числе русская буржуазия, твердила: если большевики *политически* даже удержатся у власти, если они в *военном* отношении даже удержатся, они все равно провалятся в *хозяйственном* в силу некультурности русского пролетариата, а именно в силу того, что, дорвавшись до власти, русский рабочий поступит точно так, как тот цыган, которого один раз спросили, что он сделал бы, если бы стал царем.

Вероятно вы об этом знаете: когда цыгана спросили, он сказал: «Украл бы тысячу рублей и убежал». Вот буржуазия и предсказывала, что русский пролетариат, захвативши государственную власть и «ставши царем», прежде всего назначит себе такую зарплату, чтобы она охватила все, что есть у государства. Рабочие разделят между собой все и останутся при пустом корыте: производство упало чуть не до 10% довоенного времени и не будет возможности его повысить, потому что средства будут немедленно полностью итти на рост зарплат, и не останется возможности восстановить хозяйство. А тогда наступит крах, потому что вечно нельзя существовать с одной десятой производства.

Действительно, если мы продержались в те годы, когда производство из-за военного разорения и белогвардейской контр-революции пало так низко, то в значительной мере, благодаря громадным запасам, доставшимся нам по наследству от буржуазии при конфискации. Мы конфисковали около двух миллиардов аршин мануфактуры, несколько сот миллионов пудов нефти, громадное количество металла и т. д. Использование этих готовых запасов дало возможность кое-как перебиться самое трудное время, пока промышленность была в развале.

Мировая буржуазия оказывается теперь разочарованной в том отношении, что русский пролетариат проявил достаточно общественной зрелости, чтобы терпеть всякие лишения, потуже затянуть пояс на своем животе, и все-таки из года в год систематически откладывать средства на дальнейшее развитие промышленного производства. Именно наша партия и провела открыто и твердо эту политику *добровольного самоограничения своей зарплат*, и эта политика, этот путь лишений дал возможность поднять промышленность с 13% до 40% процентов в такой короткий срок, как три года, и делать дальнейшие шаги в улучшении нашего народного хозяйства, как проводимая с весны 1924 г. денежная реформа. К разочарованию буржуазии, пролетариат оказался умнее сказочного цыгана и способным смотреть дальше.

Это систематическое, очень осторожное ограничение быстроты роста зарплат имело целью получить возможность развернуть

за счет этой экономии оборотные средства промышленности, сдвинуть ее с жалкого уровня, до которого она упала, и создать тем самым прочную основу для господства рабочего класса и для действительного крупного роста зарплаты и всего хозяйства страны. На-ряду с подобным же привлечением к необходимым жертвам и крестьянства, эта политика в течение трех лет привела к заметному уменьшению бедности государства и к увеличению государственных доходов. Ибо что значит, что у нас увеличилась промышленность в 3 раза, с 13% до 40%? Из этого вытекает прежде всего то, что почти все *фабрики* перестали быть убыточными, стали окупать себя, не надо припечатывать новых денег для их содержания. Далее, на *железных дорогах* увеличились грузы, поэтому железные дороги перестали быть такими убыточными, какими они были раньше. Еще в прошлом хозяйственном году (с 1 октября 1922 г. до 1 октября 1923 г.) для железных дорог и водных путей нужно было припечатывать ежемесячно около 15 миллионов рублей золотом, а в 1923—1924 хоз. году убыток транспорта составляет уже только около пяти миллионов рублей в месяц, потому что увеличилось количество грузов, и грузооборот транспорта достиг уже тех же 40% довоенной величины, что и промышленное производство.

Далее, государственные доходы от акцизов (от косвенных налогов на промышленные изделия) были чрезвычайно незначительны, когда промышленность составляла только около 10% довоенного, когда мало производилось сахара, соли, мануфактуры, спичек и прочего. Наоборот, государственные доходы от акцизов и других косвенных налогов стали сравнительно очень крупными, когда промышленность увеличилась за три года в 3 раза, когда стало больше тех товаров, с которых государство получает налоговые доходы.

Дальше, когда у нас увеличилось количество промышленных товаров, явилась возможность продавать больше их в деревню, и *деревня ответила усилением товарности своего производства*, увеличением сбыта продуктов крестьянского хозяйства. В итоге весь торговый оборот страны уже в 1923 г. достиг тоже 40% довоенного, как я показал в моей книжке «Уроки кризиса».

Так что в результате довольно жесткой политики, какую русский рабочий класс применил к самому себе, у нас получились за эти три года как рост государственной промышленности и улучшение государственного хозяйства вообще, так и значительное увеличение доходов государства. *Потому уменьшилось то количество денег, какое государство должно печатать каждый месяц для покрытия недостающего на необходимые расходы.* В результате политики 3 лет ограничений, лишений, замедления в росте зар-

платы *) мы достигли того, что нам теперь не нужно печатать ежемесячно новых денег на пятьдесят миллионов рублей золотом, как два года назад, или на тридцать пять миллионов, как в 1922—1923 хоз. году, а достаточно печатать всего миллионов на пятнадцать (весна 1924 г.), значит, на очень сокращенную величину, которая не вызывает такого сильного обесценения рубля и роста дороговизны, какой раньше был неизбежен, и которая к тому же должна все уменьшаться по мере дальнейшего под'ема нашего хозяйства. В дальнейшем этот под'ем должен стать еще легче, ибо самое трудное раскатать сначала, когда надо выбираться из самой глубокой ямы. Теперь уже достигнутые улучшения служат основой для улучшения следующих, есть на что опираться. Таким образом, на достигнутое повышение промышленного производства с его последствиями оперлась денежная реформа, а сама она в свою очередь должна явиться опорой для предстоящего, как можно ожидать, с осени, нового роста общего уровня заработной платы (особенно вследствие подтягивания вверх отставших отраслей).

Если политический и экономический вред от крупного участия буржуазии в торговле обуславливают *необходимость* борьбы с этим явлением, то *возможной* эту борьбу делает изменение к лучшему хозяйственного положения сравнительно с бывшим к началу новой экономической политики.

Перемена эта, таким образом, заключается в том, что, благодаря усилиям рабочего класса и его самоотвержению, уменьшилась бедность, уменьшилось обнищание всей страны вообще и государственного хозяйства в частности. А от того, что уменьшилась бедность и увеличились доходы государства—от этого уменьшилась надобность в ежемесячном печатании очень крупных количеств новых денег. А от того, что очень сильно уменьшилась надобность в печатании новых денег **), мы смогли избавиться от обесценивавшегося все время старого совзнака, старого советского рубля и перейти к новым деньгам, устойчивым, которые теперь путем денежной реформы вводятся в жизнь и обращение (казначейские билеты, червонцы, серебро, медь и боны).

*) Все же средняя зарплата всех рабочих и служащих вместе составляет уже около 60 процентов довоенной, тогда как три года назад составляла лишь около одной трети. Раз при 40% промышленного производства средняя зарплата в стране равна 60% довоенной, то можно считать, что она сравняется с довоенной, а затем и начнет превышать ее раньше, чем достигнет всех 100% само производство. Революционизирующее влияние такого оборота на заграничный, напр. германский пролетариат, несомненно. Здесь мы решаем сразу и внутреннюю и международную задачу.

**) Небольшое припечатывание при одновременном росте производства и товарного оборота не вредит устойчивости денег, ибо почти уравновешивается приростом потребности страны в общей сумме денег вследствие увеличения товарного обращения и сопутствующих явлений.

Благодаря под'ему хозяйства, удается достигнуть *устойчивости денег*, и это обстоятельство совершенно меняет все положение с торговлей, *это обстоятельство дает нам возможность начать действительную борьбу за вытеснение буржуазии из торгового оборота*. Ибо мы видели раньше, что преимущество буржуазии заключалось в том, что так как у нее деньги меньше времени находятся в обороте, так как у нее деньги проходят только через лавку, а у нас деньги проходят и через лавку и через фабрику, и так как деньги обесценивались, то буржуазия могла делать в розничной торговле меньшую накидку на товары, чем мы; поэтому она должна была торговать успешнее, она от нас отбивала торговлю. Теперь же, когда хозяйство настолько стало лучше, что можно иметь устойчивые деньги, *теперь не приходится делать накидку на обесценивание советского рубля ни частному торговцу, ни государственному, ни кооперативному*. А, стало быть, отпадает то преимущество, которое было у буржуазии, что она делала накидку меньше, чем мы. Стало быть, прекращается для государственной и кооперативной торговли неизбежность торговать дороже, чем торгует буржуазия. *Только теперь с денежной реформой, с достигнутым улучшением хозяйства, создается возможность для государственной и кооперативной торговли торговать не дороже частной буржуазии *)*. Только теперь, следовательно, создается для нас хозяйственная возможность действительно начать буржуазию из торговли вышибать, оставляя вместо нее не пустое место, но замещающая собой. Вот почему партия именно теперь, а не год тому назад, не два года тому назад и не три года тому назад, выдвинула эту задачу на первый план.

С завоеванным нами постепенным ростом народного хозяйства, с осуществляемой, на его основе денежной реформой, с доспигижением устойчивости денег—создаются в торговле такие отношения, которые уничтожают необходимость для государственной и кооперативной торговли торговать дороже, чем торгует частная буржуазия. Теперь мы можем торговать не дороже буржуазных торговцев, а раз мы можем это делать, то они перестают нам быть

*) Только теперь могут оказаться и преимущества от связи госторговли (и кооперация) с госпромышленностью над частной торговлей которые раньше перевешивались и парализовались в силу следствий для них постоянного значительного обесценения советского рубля. Первое преимущество—возможность обойтись без построения особого громоздкого и дорогого оптового аппарата, роль которого в значительной мере выполняют все равно существующие объединения промышленных предприятий. Затем—возможность рассматривать торговлю лишь как вспомогательный и распределительный аппарат для реализации **промышленной** прибыли, отсюда—почти полный отказ от торговой прибыли, что невозможно для частного торговца, для которого торговля является самостоятельным, самодовлеющим и единственным занятием, а не простым придатком к промышленности.

нужными. Мы можем организовать их замещение. Вот то экономическое положение, в условиях которого происходит развертывание нынешней ориентации партии в вопросах торговли, выраженной в резолюциях партийного съезда (см. главу первую).

Практические успехи.

А. В рознице.

Когда шла гражданская война, был хороший обычай: ежедневно печатать сводки изменений на фронте по присылавшимся с мест телеграммам. Теперь, когда мы ведем *гражданскую войну на торговом фронте*, следовало бы ввести какую-либо форму хотя бы двухнедельной отчетности: насколько возрасли обороты кооперативной и госторговли, увеличилась ли ее сеть, как идет проникновение в деревню и пр. Тогда будем иметь систематические сведения из всех узловых торговых пунктов о наших успехах и неудачах в этом важном деле. Но этого пока нет. Пока, чтобы получить представление о разворачивающемся походе, остается только делать сводки отдельных газетных телеграмм. *Роста*—вот кому мы обязаны, если имеем не устарелый, а *текущий* материал по вопросу о *социальных* сдвигах в области торговли, а не только об уровне цен и т. п.

Для освещения вопроса, какими на практике оказались успехи новой торговой политики, выбираем те участки торгового фронта, какие обнимаются *розничной торговлей* вообще и *мясоторговлей* в частности. Завоевание их государством и кооперацией в порядке *экономического превосходства*, а не только простого административного нажима, является *наиболее трудной* частью задачи. И все же по газетным телеграммам за июнь вырисовывается такая картина удачного приступа к наступлению широким фронтом, какую неспособна была бы замазать даже заграничная белая печать. Дадим место нескольким фактам.

Курск. За один месяц в деревнях губернии возникло около *трехсот* новых первичных крестьянских потребительских кооперативов на основе добровольного членства. «Вся эта работа проделана исключительно силами, инициативой (почином) и подталкиванием со стороны волячек РКП». Пролезающих в кооперативы кулаков «вышибают вон» («Правда», от 10 июня).

Омск. Два месяца работы 7 мануфактурных ларьков Сибторга заставили частных торговцев понизить цены на 25%. Приезжие из деревень крестьяне производят закупки все больше в госларьках, и потому на базарах открывается еще 10 ларьков Сибторга (тел. от 15 июня).

Чернигов. «Кооперация постепенно вытесняет частную торговлю. Крестьяне, приезжающие в город за покупками, избегают покупать товары у частных торговцев. Частные магазины закрываются один за другим» (тел. от 24 июня).

Николаев. «В связи с тем, что кооперация стала вытеснять частную торговлю, многие частные торговцы подали заявления о приеме их на службу в кооперацию. Все эти предложения отклонены». (тел. от 17 июня).

Муром. Кооперация открыла ряд ларьков на базарах и 3 новых магазина, вследствие чего, не выдержав конкуренции, закрылось до 20 частных лавок (тел. от 13 июня).

Ярославль. «Частный рынок уступает позиции кооперации и госрознице, обороты которых продолжают расти, а накладные расходы снижены до 12%». (тел. от 13 июня).

Витебск. В результате увеличения оборотов кооперативных лавок закрылось 35 частных лавок (тел. от 13 июня).

Тифлис. Организуется отсутствовавшая кооперативная торговля молоком и овощами, для базаров открывается 9 лавазов с солью, сахаром, мукой и спичками (тел. от 13 июня).

Соль. Доля кооперации в торговле солью неуклонно возрастает. По всему союзу продано через кооперацию из всей проданной соли в январе 43,7%, в феврале 47,8%, в марте 55,7%, в апреле до 72%, при чем увеличивалось все время общее количество всей ежемесячно продаваемой в СССР соли. Т.-е. устранение частного аппарата не привело к уменьшению сбыта (данные Соле-синдиката в «Торг.-Пром. Газ.» от 12 июня).

Одесса. Оборот «Ларька» в марте составлял только 30 тыс. руб., в мае уже 120 тыс., в июне по местной оценке, примерно, 250 тыс. руб. Сеть «Ларька» в Одессе развернулась уже до 76 лотков, 30 киосков, 10 лавок и 4 магазинов и еще имеет расшириться в виду успеха среди покупателей («Торг.-Пром. Газ.» 24 июня).

Харьков. Церабкоп число своих лавок довел с 24 до 43, цены ниже рыночных от 6 до 20% на разные товары. Одновременно «Ларек» довел свою сеть уже до 220 лотков, 35 киосков и 15 магазинов и еще открывает 25 магазинов, 35 киосков и 17 лотков, а также ряд складов на базарах для деревни. «В тех районах города, где появляются лавки Церабкопа и Ларька, наблюдается обычно самоликвидация частных магазинов» — не выдерживают нашей конкуренции (корресп. «Труда»). Оборот одного Ларька пре-высил уже полмиллиона в месяц (тел. от 21 июня).

Гум. Торговля розничных универмагов Гума в провинции (Екатеринбург, Ростов, Нижний, Козлов и др.) возросла в мае на 35% против валовой торговли первых месяцев текущего года, несмотря на то, что «обычно май является наименее благоприятным, как послепраздничный и совпадающий с началом полевых работ». Тем

более сжалась зато частная торговля. Особенно успешно торгуют магазины Гума, открытые на узловых жел.-дор. станциях для рабочего и крестьянского населения («Правда», 19 июня).

Томск. «Частный торговый капитал вытесняется из деревни». В деревне растет даже госрозница. Настолько, что в апреле уже ровно *половина* всех торговых предприятий госорганов находилась в деревне. Вообще, оборот кооперации и госторговли в апреле 1924 г. был почти в 9 раз больше, чем за год перед тем» не только за счет увеличения емкости рынка, но и за счет уменьшения частноторговых операций» («Правда»).

Баку. С конца апреля кооператив «Горняк» открыл 18 лавок и открывает еще 12, наполовину торгует продовольствием по ценам, значительно ниже рыночных, отсюда быстрый рост популярности («Правда» 10 июня). Баксоюз открыл уже 12 кооперативных пекарен (и организует механический хлебный завод), потому «частные хлебопекарни сильно сократили выпечку хлеба» (тел. 18 июня).

Царицын. Церабкоп так развернул многолавочную сеть и свое хлебопечение, что «если не убил совсем частных торговцев, то, безусловно, диктует цены хлебному рынку», через свои мясные лавки покрывает половину всего рыночного спроса по ценам почти довоенным и вообще обслуживает уже 30% всего бюджета рабочих и служащих (тел. 3 июня).

Ленинск (уездн. город Цариц. губ.). Промторг и ЕПО выкурили из Ленинска почти всю частную торговлю, ибо крестьяне говорят про нынешнюю госкоопторговлю: «цены справедливые» («Эк. Жизнь» 19 июня).

Орел. Торговая скупка яиц в Орловской губ. ведется теперь Хлебопродуктом и кооперацией (в отличие от прошлого) непосредственно по деревням, «минуя всякое посредничество крупных и мелких прасолов», заготовлены уже крупные партии («Торг.-Пром. Газ.»).

Тверь. Продажные цены в лавках Церабкопа на 15% ниже рыночных, кооперировано 79% текстильщиков, реализация заработной платы через кооператив дошла уже до половины: в августе 1923 г. на одного члена забор 5 р. 80 к., а в апреле тек. года уже 14 р. 65 к., соответственно теряет в обороте частная розница («Труд»).

Тресты — особенно быстро развивают свою розницу, еще быстрее кооперации. Так, *ленинградские* тресты из всей реализованной в Ленинграде за апрель своей продукции (13 милл. руб.), продали через свои розничные лавки уже 20%. В *Москве* подчиненные МСНХ тресты (при средней месячной продаже свыше 14 милл. руб.) продают через свою розницу тоже уже почти столько же—18,5% («Труд»). Так как одновременно и там и тут растет оптовый сбыт трестов кооперативам, то доля промышленной

продукции, попадающей в частную розничную торговлю, начала существенно уменьшаться.

Ленинград. Удачный опыт лабазов Хлебопродукта, открытых в рабочих районах, ведет к вытеснению частной конкуренции на продовольственном рынке. Организуются такие же лабазы в уездных городах (тел. от 17 июня).

Воткинский завод. Оборот кооператива за последние месяцы повысился в 14 раз, «частным торговцам пришлось понижать цены» («Раб. Газ.»).

Сталино (Юзовка). Кооперация в округе развернулась уже до 250 лавок, продает на 15% ниже рыночных цен, «частная торговля постепенно сдает все свои позиции кооперации» («Раб. Газ.»).

Красавинская текст. фабрика (Сев.-Дв. губ.). Работа кооперации оживилась, дешевле и лучше рынка, «частные торговцы не в силах конкурировать с кооперативом и закрывают свои лавочки» («Раб. Газ.»).

Ундо́л (Владимир. губ.). В кооперативах дешевле, много покупателей, «рыночные акулы повесили носы, рабочие заявляют, что к частным торговцам их уже больше калачом не заманишь» («Раб. Газ.»).

Мы взяли примеры из самых различных концов и углов страны, из больших и малых центров, взяли в таком количестве, чтобы наглядно ясен был этот *широкий поток наступления*, почти стихийная сила его и несомненность успеха на новом фронте. Количество их могло бы быть еще значительно увеличено. Выделяя наиболее характерное в этом потоке, можно наметить следующие существенные черты:

1) вытеснение частного торговца происходит путем доказательства на опыте *хозяйственного превосходства* госрозницы и кооперации—продают дешевле;

2) доля частных торговцев падает, хотя *общая сумма товарооборота увеличивается*, по сравнению с прошлым годом, благодаря изменению уровня зарплаты и товарности сельского хозяйства;

3) капитуляция торговцев в ряде случаев настолько очевидна, что они сами просят взять их на нашу службу (об этом телеграммы также из Екатеринослава, Харькова и др.);

4) особо подчеркивается успех *ларьков*, как у городских потребителей, так и в качестве средства проникновения в деревню через посещающих городские базары крестьян;

5) серьезный приступ к организации кооперативной и государственной розничной торговли *продовольствием из продуктов сельско-хозяйственного происхождения* (хлебопечение, мясо и пр.);

6) начало *возрождения низовой кооперации*—политика удешевления, политика сосредоточения на товарах массового потре-

бления, политика кредитного и торгового раскрепощения, чистка служащих и т. д., все это начинает уже приносить первые плоды.

До конца пути, конечно, еще далеко. Но опыт жизни уже непререкаемо свидетельствует о практической *возможности*, хозяйственной *целесообразности* и политическом *успехе* той наступательной кампании, какую повела наша партия в течение последнего полугодия (январские, апрельские и майские постановления о торговле конференции, пленума и съезда) и какая все шире и глубже охватывает нашу страну.

Город за городом, губерния за губернией заносится на «красную доску успеха» и в здоровом классовом соревновании стремятся не остаться за флангом в общем движении.

Б. На мясном фронте.

Провинция не раз бывала у нас энергичнее и напористее центра. Легче раскататься, не нужен столь большой размах, меньше трудностей в постановке дела, иногда острее дает себя знать та или иная сторона, меньше отвлекающих более важных забот. Формулированная иногда лишь в общей форме в центре руководящая идея, затем более или менее решительные начинания по осуществлению ее на местах и уж потом только венчающее здание, усовершенствующее и укрепляющее его общегосударственное мероприятие,—таким путем идет иногда дело. Наблюдать за опытом мест, учитывать вырисовывающееся направление их практики потому у нас особенно поучительно.

По телеграммам газет за июнь с известиями о положении нашего наступления на мясном фронте можно отметить следующие процессы: 1) образование на местах государственно-кооперативных акционерных обществ по заготовке и торговому распределению мяса, 2) успехи в деле мясной розницы, 3) меры в области заготовок, 4) новые приемы сочетания неиспользованных хозяйственных возможностей.

Сначала несколько примеров. В *Белоруссии* организован «Белмясторг» с начальным капиталом в 100 тыс. руб. Учредители: Бельсельпромсоюз, Минцерабкооп, Белгосторг, Белкишпрод, Наркомзем и Мясохладобойня. Заготовленное оптом мясо будет продаваться в розницу исключительно через кооперативные лавки (тел. из Минска 19 июня). На *Урале* объединяются все государственные и кооперативные мясозаготовительные организации в форме одного акционерного общества по торговле мясом, заготовке его, замораживанию и перевозке (тел. из Екатеринбурга от 18 июня). В *Витебске*, по инициативе губсоюза, организуется акц. общество мясозаготовок с начальным капиталом в 45 тыс. руб. «в целях решительной борьбы с частной мясоторговлей». Учредители: Губсоюз,

Хлебопродукт и городское ЕПО. Розничное снабжение населения мясом госторговлей и кооперацией будет охвачено на 80% (тедгр. от 18 июня). Подобные же госуд.-кооперат. губернские акц. общества по оптовой заготовке мяса и по организации розничной его продажи образовались также в Москве (акц. общество «Мясо»), Ярославле и других городах. Образование всех этих областных и губернских советских центров мясозаготовок и мясоторговли является необходимой организационной предпосылкой для создания того общесоюзного мясного центра, который должен завоевывать нам руководство мясным рынком и удешевлением мяса.

Наиболее интересен опыт Витебска (поставившего у себя хорошо дело уже к апрелю), подробно описанный местным работником т. Б. Гуревичем. Витебский Совет в основу положил *городскую бойню*. Скотобойни в городах являются у нас *советской монополией*, но монополия эта до сих пор почти совсем не использована для удешевления мяса и для сосредоточения мясного снабжения в советских руках. Витебск показал пример такого использования и достиг двух вещей: 1) в кооперативных мясных лавках, которых открылся уже целый ряд, мясо и колбаса продаются на 20% *дешевле частных розничников*, почему вытеснение их развивается весьма успешно (характерно, что в июне 45 частных мясников подали заявление в губсоюз зарегистрировать и их в кооператив). Во-вторых, при таком удешевлении мяса для потребителей—исполком Витебского Совета покрывает доходом от боен почти пятую часть всех доходов местного бюджета. Так доходно вообще мясное дело.

Для поощрения мясных заготовок кооперации и госорганов плата за убой скота с них установлена на витебских бойнях ниже, чем с частных торговцев. По вполне основательным санитарным соображениям всем вообще запрещено вывозить с боен кишки в *необработанном*, техническое сало в *неперетопленном* и кожи в *необеззараженном* виде. При бойнях открыт обязательный прием этих побочных продуктов мясоторговли по определенным ценам. Для переработки их устроены при бойне заводы кишечный, мыловаренный, салотопный, альбуминовый (альбумин делается из крови) и передача кож на завод кожтреста. Такое использование побочных продуктов дает возможность значительно удешевить основной продукт—мясо, и сверх того, иметь доход для общегосударственных надобностей Совета.

Вместе с тем, мы имеем тут средство для расширения финансовой базы советско-кооперативных мясозаготовок. Ибо, при такой постановке, очевидно, в пайщики могут войти и Кишпрод (кишки), и Жиркость (мыло), и Кожтресты, и Главколбаса (в Москве есть и такой хозорган), и Госторг (копыта и рога для вывоза за границу), и предприятия искусственного удобрения (кости

на перемол), и местные Советы (заинтересованные в фискальном, т.-е. доходном источнике),—а не только кооперация, Хлебопродукт и Хладобойня, как это иногда бывает. Достигается сразу двойная цель: необходимое им сырье тресты и торгорганы закупают не у частных лиц, а тратят эти средства на расширение советско-кооперативных заготовок скота.

Из других интересных приемов организации и удешевления на местах советско-кооперативной оптовой заготовки мяса надо отметить еще *откорм скота при сахарных заводах* (о чем сообщает «Труд»), где имеются громадные запасы неиспользованного корма (отбросы сахарного производства) и сохранившиеся помещения для скота (ибо до революции частные прасолы всегда ставили скот на откорм на сахарные заводы, и дело это было чрезвычайно выгодным и для них и для сахзаводов). На эту возможность (с привлечением в пайщики Сахаротреста) надо обратить большое внимание (особенно в связи с ожидаемой закупкой истощенного скота в неурожайных районах), равно как и на намеченный Наркомземом вопрос «об организации живого мясного резерва с использованием совхозов, как материальной базы» (о чем сообщает «Эк. Ж.», и кредит на что является быстро оборачивающимся и верным к возвращению).

Есть, конечно, и невязки. Одно сообщение гласит, что, напр., для нужд ленинградских кооперативов закуплено за границей еще 10 тыс. пуд. свинины («Лен. Пр.» 22 июня). А другое извещает, что Хлебопродукт заключил договор с английским обществом «Унион» о вывозе в большом количестве русской свинины за границу («Эк. Ж.» 19 июня). В дальнейшем надо, очевидно, в первую голову снабдить мясом государственной заготовки наши города, а потом уже везти за границу. На этот путь стал Севзапгосторг, который, заготовляя яйца и масло для экспортных целей, необходимую часть их отпускает ленинградской кооперации по непопковой цене, благодаря чему понизились и частно-рыночные цены («Торг.-Пром. Газ.» 24 июня).

В розничной торговле мясом кооперация всюду, где только взялась за дело, имеет крупнейший успех, что понятно, так как, именно на мясе, частные розничники наживались больше всего. В Умани рабкооп открыл продажу мяса по ценам вдвое ниже рыночных («Укр. Эк.»). В Екатеринославе кооперативы и Хладобойня открыли уже целую сеть мясных лавок, в итоге чего «частная мясная торговля заметно вымирает» («Укр. Эк.»). В Луганске рабкооп развернул три мясные лавки, так что 23 частных мясоторговца подали прошение в церабкооп «о зачислении их сотрудниками с передачей своего инвентаря и наличия товаров», в чем им отказано («Укр. Эк.»). В Киеве сорабкооп открыл уже 14 мясных лавок и, в виду успеха, открывает еще 8 («Укр. Эч.»). В Ро-

стве, «под давлением кооперации, цены на мясо понизились на 10—15%», а затем упали еще ниже—за фунт 23 коп. в кооперативах и 25 коп. у частных торговцев («Эк. Ж.» 4 и 24 июня). И т. д. и т. д.—Мы имеем здесь вытеснение частного торговца и удешевление мяса для потребителя не только без сокращения товарооборота, но даже с его расширением, ибо дешевого мяса рабочих и служащих могут купить больше, чем дорогого. Понять это нехитро.

Отставала до лета с мясной розницей Москва. Неловко для москвичей, а не скроешь. В оптовой продаже мяса (московская скотопригонная площадка) некоторый успех советско-кооперативных органов есть. Всего продано в апреле на 2. 814 тыс. руб., а в мае на 3.939 тыс. руб.—общий товароборот увеличился. В том числе на советско-кооперативную продажу приходилось в апреле 6,6%, а в мае уже 18,8% (из них на одно советское акц. общ. «Мясо» приходится более двух третей—все цифры из «Торг.-Пром. Газ.» 24 июня). Да и этот рост объясняется отчасти привозом заграничного мяса. Розничная же торговля мясом в Москве попрежнему почти всецело в частных руках, и, потому, «несмотря на резкое понижение оптовой цены, рынки торгуют мясом 1-го сорта до 60 коп. за фунт, между тем, как (при нынешней оптовой московской цене) цена 1-го сорта должна быть максимально не более 40 коп. фунт» (там же). Таким образом, около 50% на фунт против нормальной цены москвичи доплачивают сейчас за медленное раскачивание, не в пример Киеву, Екатеринославу, Ростову и ряду других центров. Впрочем, недавно уже появилось газетное сообщение, что МСПО решило открыть до сентября двести новых магазинов, что несколько десятков их уже открываются, при том почти все со специальными приспособлениями для летней торговли мясом. Будем ждать поэтому, что если Москва сначала отстала, то зато потом возьмет большим размахом.

Общее впечатление: дело двинулось. И в опте, и в рознице. Наступление на мясном фронте из газетных статей переходит уже в жизнь. На этом пути—победа.

Судьба городской торговли.

А. Частный оптовый капитал.

Какова будет судьба того частного буржуазного капитала, который до сих пор был вложен в крупную торговлю? Откуда возьмутся у государства и кооперации средства для замены подлежащего вытеснению частного капитала, и какими способами новая торговая политика намечает это осуществить? Первый вопрос о